

Я был директором Большого театра...

Большой театр. — 1991. — 25 с. ил.

Припоминаю некоторые обстоятельства первой серьезной попытки Н. С. Хрущева установить контакты с творческой интеллигенцией страны. Для этого летом 1957 года была организована встреча членов Президиума ЦК КПСС с деятелями культуры и искусства на одной из дач (по идее — в непринужденной обстановке). На встречу были приглашены видные писатели, художники, музыканты — все те, кто олицетворял тогдашние достижения во всех областях советской культуры, передовой ее отряд.

Поначалу все шло, как по-писанному. Некоторые из нас были на встречу с домохозяками, и мы, гуляя по берегам прудов, главели то на членов Президиума, ранее знакомых лишь по портретам, то на известных мастеров культуры, произведения которых иные из нас «проходили» еще в школьные годы... Видели мы и удочки (уже с наживкой), там и сям разложенные и как бы приглашающие к свободному препровождению времени «по интересам», а в положенный час многие стали все чаще поглядывать на столы, накрываемые на свежем воздухе. Над всем этим сияло чистое небо, и ничто не предвещало грозы...

За обедом члены Президиума, как и полагается хозяевам, разместились на средней, короткой стороне буквы «П», в форме которой были расставлены столы под огромным тентом (на случай дождя — все же лето). Разговорную часть открыл секретарь ЦК КПСС Дмитрий Трофимович Шепилов, вскоре вошедший в историю внутривластной борьбы с приставкой «и примкнувший к ним...». Он сразу же представил слово Н. С. Хрущеву.

При всей своей отличной памяти, я не могу сколько-нибудь связно воспроизвести последовательность многочасового разговора Никиты Сергеевича с собравшимися на встречу деятелями.

Сперва это были отдельные обращения по именам к членам Президиума. Он то призывает их как бы в свидетели, то вызывает к их дружеским чувствам, и даже признавался, что уже успел по русскому обычаю слегка подзаправиться... Но сидящие рядом с ним (кроме «примкнувшего») Молотов, Каганович (их он почему-то персонально выделил), да и некоторые другие, упорно отмалчивались. Постепенно Хрущев перешел на другую тональность и стал, что называется, «началивать» некоторых мастеров культуры за якобы недостаточ-

МИХАИЛ ЧУЛАКИ.

ную активность и убежденность в пропаганде достижений Советской власти, и за уход от больших тем... Трудно было ухватить руководящую нить его крайне распылчатой, бесформенной речи.

Но вот, распавшись, Хрущев вызвал «на ковер» Маргариту Алигер.

Тяжело было смотреть, как он буквально распыл эту хрупкую маленькую женщину, заставив ее битых полчаса стоять навтыжку, пока он выговаривал ей — ставил в пример ей, члену партии, беспартийного Леонида Соболева, которому, дескать, он, Хрущев, верит, а ей не верит!.. Алигер со слезами в голосе убеждала Никиту Сергеевича пригласить ее в ЦК и там поговорить, если возможно, «на равных»... Эта сцена закончилась лишь тогда, когда за спиной Хрущева Леонид Соболев, не выдержав нервного напряжения, вдруг потерял сознание, и его пришлось вынести на носилках.

Однако не все собравшиеся вели себя достаточно кротко: довольно агрессивна была Маризтта Шагинян, которая громко подавала Хрущеву реплики, вроде такой: «А почему в Ереване нет колбасы?» — и другие подобные, на что Хрущев реагировал весьма раздраженно.

И вот тут-то разразилась гроза! Внезапно разверзлись хляби небесные, и хлынул сплошной поток воды. В одну минуту переполнился тент над столами, и сколько ни старались проворные молодые люди, обслуживающие встречу, сколько они ни вытаскивали длинными шестью провисшие брезентовые резервуары, те вновь и вновь наполнялись ливневым потоком и мало кому удалось выйти сухими из воды. А Маризтта Шагинян — старая, тщедушная, но упорная, — ушла, как говорят, с дачи пешком, еще до разъезда гостей...

«Так кончился пир наш бедою», — вспомнилось мне из Гете. С той поры прошло немало времени, но мысль о необходимости развивать контакты руководителей партии с творческой интеллигенцией, видимо, не оставяла Хрущева. Он успел посетить несколько художественных выставок, где довольно категорично в свойственной ему манере высказался по поводу некоторых картин и скульптур, и неосторожно навесил подчас обидные ярлыки их создателям.

В Президиуме, состав которого

частично изменился, его идея о новой встрече, задуманной как продолжение «личной», нашла поддержку, и Никите Сергеевичу предоставили возможность до конца излить свою душу в высказываниях по коренным вопросам литературы и искусства.

Об этой встрече, состоявшейся в Кремле в начале шестидесятых годов, уже неоднократно вспоминали ее участники. Всем запомнился, главным образом, резкий, раздраженный тон высказываний Н. С. Хрущева, взятый им чуть ли не с самого начала этого двухдневного «собеседования» (беру это слово в кавычки, потому что слишком уж преобладали здесь монологи на высокой ноте самого Никиты Сергеевича). Эстетические принципы, которые с трудом, но можно было выявить в сумбуре его высказываний, достаточно хорошо известны, — это вульгарный натурализм, выдаваемый за «социалистический реализм». При этом он на правах председателя придирался к каждому слову, к каждой оговорке выступавших, поминутно одергивал их репликами...

Встреча происходила в сравнительно небольшом, так называемом Свердловском зале Верховного Совета, с его преувеличенно гулкой акустикой — и это, плюс нервная обстановка, не позволила лично мне (сидевшему вдалеке от президиума) спокойно зафиксировать выступавших и содержание их высказываний. В память врезались лишь отдельные эпизоды.

Привожу лишь самые достоверные.

«...Некто в темно-бордовой рубашке так начал было свою речь: «Как и Маяковский, я беспартийный»...

«Чем хвастаетесь!» — закричал на него Хрущев, не давая ему продолжить, пояснить, что тот имел в виду, и бешевал еще добрых пять минут.

А тут вскоре другой выступавший сделал неловкое движение в сторону президиума, желая подчеркнуть решительный оборот речи (а может быть, стихотворной фразы?). И опять взрыв негодования: «Ты кому грозишь? Партии!».

И так все время. Недалеко от меня сидел И. Г. Эренбург, который вполголоса, явно для себя, короткими репликами выражал свое неодобрение по поводу происходящего. Думаю, что многие испытывали такое же чувство неловкости...

(Продолжение следует).

Продолжение. Начало см. в №№ 33—35 за 1990 г. и №№ 1 и 3 за 1991 г.

Ответственный за номер член Совета общественных редакторов
В. В. ЧАСОВЕННАЯ.